

Лойко Ольга Тимофеевна

ЗНАКОВАЯ СУЩНОСТЬ СОЦИАЛЬНОЙ ПАМЯТИ

В статье исследуется знак как способ передачи содержания социальной памяти. Рассматриваются возможные оппозиции отношений "знак - означиваемое". Выявляются отношения, возникающие между знаками. Анализируются примеры искажения содержания знака, которые приводят к ложной интерпретации содержания социальной памяти.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2012/11-1/25.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 11 (25): в 2-х ч. Ч. I. С. 122-125. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2012/11-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 101.1:316.775

Философские науки

В статье исследуется знак как способ передачи содержания социальной памяти. Рассматриваются возможные оппозиции отношений «знак – означиваемое». Выявляются отношения, возникающие между знаками. Анализируются примеры искажения содержания знака, которые приводят к ложной интерпретации содержания социальной памяти.

Ключевые слова и фразы: знак; социальная память; семиосфера.

Ольга Тимофеевна Лойко, д. филос. н., профессор

Кафедра культурологии и социальной коммуникации

Национальный исследовательский Томский политехнический университет

Loyko2011@yandex.ru

ЗНАКОВАЯ СУЩНОСТЬ СОЦИАЛЬНОЙ ПАМЯТИ[©]

Память – это, в первую очередь, наше означивание мира с целью его наиболее точного и полного запоминания. Именно поэтому исследование знаковой сущности социальной памяти является проблемой актуальной и востребованной. Для ее решения необходимо совершить несколько последовательных теоретических шагов. Во-первых, выявить роль знаков в познании сущности социального мира и сохранении этой сущности в адекватной форме, что дает возможность понимания знаков социального мира и закрепления этого в социальной памяти. Во-вторых, рассмотреть те наиболее важные отношения, которые складываются между знаками внутри означиваемого-означивающего, которое при определенной рефлексии способно помочь понять способ бытия социальной памяти в знаковом поле социума.

Исходным моментом выступает положение о том, что знаковая структура, фиксирующаяся в сознании и сохраняющаяся в памяти, не создается субъективно. Ее элементы возникают в рефлектирующем сознании как нечто самостоятельное, появляющееся в момент взаимодействия спонтанно и императивно. Знаковая структура оказывается своеобразным дискретным слепком и морфологическим результатом взаимодействия человека и социоприродного универсума, возникающим на основе становления отношений «означиваемое – означивающее». Возможно выделение отношений к знаку в зависимости от обозначаемого. Для реализации этой задачи объединим отношение «знак – обозначиваемое» в несколько групп. Первая – фиксирующая отношения «знак – означиваемое»:

1. знак – обозначиваемое знаком. Отношения строятся по принципу именования. Знак дает имя тому, что означивается знаком;

2. обозначиваемое – знак: фиксируются отношения референции, т.е. то, насколько обозначиваемое реально соответствует содержанию и, следовательно, пониманию содержания знака.

Вторая группа наиболее полно способна выявить отношения, возникающие собственно между знаками:

➤ отношение знаков друг к другу. Это отношение проявляется как синтаксис;

➤ отношение использующего знак субъекта к употребляемым им знаковым системам, что фиксируется прагматикой.

В контексте исследования знаковой сущности социальной памяти для нас важны все четыре оппозиции знака. Первая группа позволяет установить как бы первичный уровень постигаемости содержания социальной памяти. Эта семиотическая операция способствует установлению общего ментального тезауруса, который не позволяет социуму забыть значение и имя того события, которое уже «включено» в содержание социальной памяти. Однако данная семиотическая операция возможна лишь тогда, когда социум (отдельный человек, или социальная группа, или общество) сознательно использует одинаковые знаки и идентичное их именование. Если такового не происходит, что бывает достаточно часто, тогда семиотическая система выступает в качестве способа манипуляции сознанием и поведением человека, происходит акт семиотической амнезии, как частичной, так и в отдельных случаях полной. Примерами подобной знаковой манипуляции являются действия практически любого политического сообщества: от тоталитарных режимов до современных демократических объединений. Так, в 1933 г. по поводу празднования Дня матери в Германии создали текст, в котором была сознательно осуществлена семиотическая аберрация: общеутвердительное суждение «Мать – основа семьи и общества» было подменено частноутвердительным: «Только немецкая мать есть основа семьи и общества». Семиотический оксюморон, в основе которого была заложена логическая ошибка, стал основой возвеличивания всего национального и, следовательно, получил собственное знаковое именование и, соответственно, искажение содержания социальной памяти на уровне знака.

Рассматривая проблему референции знака в более точном постижении сущности, отражающей содержание социальной памяти и позволяющей на этой основе восстановить единое для социума ментальное поле, мы не можем не остановиться на рецепции знака в философии постмодерна. Как отмечает один из представителей этого направления М. А. Можейко, постмодернистская философия оперирует понятием «пустой

знак», которое фиксирует парадигмальную презумпцию постмодернизма на восприятие семиотических сред как самодостаточной реальности – вне какой бы то ни было гарантированности со стороны внетекстовых феноменов [5, с. 640]. Критика референциальной концепции знака приводит в конечном итоге к утрате понимания смысла, означиваемого знаком, что, в свою очередь, создает такое семиотическое пространство, в котором знак не только теряет свой изначальный смысл, но и приобретает новые смыслы, практически не связанные с его сущностным содержанием. Знак, оторванный от референта, вне сомнения, способен создать новую семиосферу, но ее содержание будет понято лишь предельно ограниченной социальной группой. В этом случае социальная память превратится в не востребуемый архаизм, не способный обеспечить связь времен и поколений. Сами же знаки преобразуются в еще один интеллектуальный вариант «игры в игру».

Вторая группа переносит проблему знака на иное герменевтическое поле, где необходимо установить синтаксические и прагматические отношения в понимании содержания социальной памяти, возникающие между различными стратами. Синтаксические отношения способны определить структурные свойства систем знаков, правил их образования. Прагматика способна установить отношения между знаковыми системами в процессе их использования социумом. Именно синтаксическая система знаковых выражений позволяет фиксировать такие устойчивые семиотические выражения, которые определяют более глубокий уровень постижения содержания социальной памяти. Синтаксис и прагматика образуют вторичную знаковую систему социальной памяти, в которой выстраиваются отношения между тем, что уже произошло, зафиксировалось в содержании социальной памяти и может быть передано последующим поколениям, в рамках этой вторичной семиологической системы. После установления предварительных линий, связывающих знак и содержание социальной памяти, проанализируем уже имеющиеся теоретические подходы, анализирующие знак с интересующих нас позиций.

Наиболее адекватно и корректно роль знаков в анализе социальных отношений отражена в работах М. Бахтина [1]. Мы разделяем его позицию по поводу того, что все социальное обладает значением, которое изображает нечто, вне его находящееся, выступающее как знак. Тем самым вещь, оставаясь сама собой, отражает другую действительность. Возникает, наряду с природным, особый семиотический мир – мир знаков. Этот мир знаков (первая выделенная нами группа: знак – означиваемое – означиваемое – знак) создает и внешнее «тело» знака, благодаря которому мы можем этот знак отличить от других, зафиксировать в памяти, передать его содержание другому. Это «тело» знака служит как бы внешней оболочкой, реализующей понимание. Сознание, память в этом контексте раскрывают себя с помощью знаков. Создается определенная цепочка, когда один знак порождает другой. Сам процесс знакопорождения осуществляется в сознании человека, а затем, с целью более глубокого осознания и запоминания, переходит в память. Причем именно в этом промежутке можно достаточно точно произвести разделение памяти на долговременную и кратковременную. Кратковременная память выступает в этом отношении как «хранилище с ограниченной емкостью» [3, с. 91].

По определению Роберты Клацки [3], объем кратковременной памяти равен семи знаковым единицам. Если же знаковые единицы, сохраненные кратковременной памятью, отражают значимую для человека информацию, совершается переход к памяти долговременной. Последнее позволяет сделать вывод о том, что переход от кратковременной к долговременной памяти – это не психологический, но в значительной мере семиотический процесс, отягощенный ценностно-смысловым контекстом. Активная роль в этом переходе отводится человеку в силу того, что именно он способен задать определенную модальность отношениям, возникшим между содержанием запоминаемого и его аксиологической нагруженностью.

Эта цепь от знака к знаку непрерывна и едина, но ее содержание может меняться в процессе означивания человеком своего мира. В этом случае память в социальном контексте напоминает постоянно пульсирующее ядро, аккумулирующее знаки, которые ей посылает маргинальная окраина социума, и одновременно идет обратный процесс, когда энергия знакового ядра социальной памяти означает и тем самым сублимирует мир знаков окраинной ойкумены.

Созданный человеком знаковый материал образует среду общения между индивидами. При этом необходимо, чтобы сами индивиды были социально организованы, так как именно социальная организация становится основой бытия знаковой среды, которая фиксируется в сознании, а затем или практически одновременно транслируется в содержание социальной памяти. Эту позицию в отношении интерпретации знаковой сущности социальной памяти мы определим как рационалистическую. Аргументом в пользу высказанного тезиса является такое понимание знака, действительность которого всецело определяется условиями и формами социального общения, в процессе которых знак собственно и обретает свое более или менее однозначное значение, а само бытие знака выступает материализацией общения. Знаковый характер этого общения наиболее ярко и полно выражается в языке. Действительность слова проявляется в самой функции быть знаком. Одновременно слово выступает не только наиболее показательным, но и нейтральным знаком. Оно может нести любую как научную, так и моральную, религиозную функцию. Поскольку слово-знак воспроизводится человеком, группой, то оно становится основой внутренней жизни сознания человека – его внутренней речью. В этом случае слово способно осуществляться как знак, не будучи до конца выраженным во внешней речи. Проблема индивидуального сознания – это проблема внутреннего знака, который, фиксируясь в социальной памяти, образует особую модальную парадигму отношения к миру.

В то же время идеи М. Бахтина вызывают определенные оппозиции. Одной из них является внутренняя противоречивость понимания самого знака. С одной стороны, он определяет знак как явление, детерминированное материальными условиями. «Изменяются эти формы и условия – изменяется и знак» [1, с. 7].

С другой стороны, он полагает, что действительность знака – это действительность внутренней психики. Если провести последовательно эту линию в понимании взаимосвязи знака и сознания, с одной стороны, и знака и социальной среды – с другой, становится неясно, где в таком случае «хранится», передается содержание сущности самого знака и каким образом сознание человека, обладая одной знаковой системой, способно передавать знаковое содержание своего внутреннего мира другому субъекту, используя при этом знаковую систему Другого.

Выйти из данного не только теоретического, но и практического парадокса возможно лишь при помощи принятия его как одной из гипотез фиксации содержания знака в социальной памяти человека. Именно это позволит определить с большей отчетливостью целостность и полисемантическую его содержание. Последнее обстоятельство способствует более адекватному сохранению в содержании социальной памяти той выявленной и общепризнанной общности, которая предоставит человеку, обладающему определенной ментальной вместимостью, возможность понять собеседника.

Концепция М. Бахтина фиксирует свое внимание на отношении знака к знаку внутри замкнутой семиотической системы, принятой и согласованной тем или иным научным сообществом, раскрывает синтаксическое отношение внутри знаковой системы, позволяет установить соотношение знаков, их отражение в сознании, но лишь ставит вопрос о том, как может быть соотносено обозначаемое и обозначающее в реальном бытии социальной памяти.

Мы полагаем, что достаточно продуктивной является позиция Г. В. Гриненко [2], который, анализируя сакральные тексты во взаимосвязи с коммуникацией, рассматривает любой текст как упорядоченную последовательность знаков, имеющих синтаксические, семантические и прагматические характеристики. Использование знаков и знаковых систем, как считает автор, позволяет человеку оперировать в своем сознании с «заместителями» объектов внешнего мира, создавать знаковые модели действительности, выявлять свойства и отношения между ними. Несомненным достоинством рассматриваемой концепции является постановка проблемы образования знаковых систем, своеобразный синтаксически-прагматический симбиоз, который позволяет автору ввести понятие «интерпретатора или субъекта семиозиса» [Там же, с. 54]. Образование знаковых систем приводит к появлению в них особого типа знаков, которые ничего не означают вне данной системы, а служат для указания на отношение между самими знаками внутри системы и организуют знаки в упорядоченной последовательности. В этом отношении знаки подразделяются на значащие в подлинном смысле слова (категорематические) и указывающие на нечто иное (синтагорематические).

В контексте нашего исследования анализируемая позиция имеет одно существенное преимущество: вводит в семиотическое пространство фигуру интерпретатора как субъекта семиозиса, что позволяет определить активную роль человека в семиотическом процессе. В то же время мы считаем, что сущность выявленной теоретической парадигмы во многом является реминисценцией позиции Э. Кассирера, который, как известно, рассматривает человека как существо, создающее символические знаки. Одновременно вызывают сомнения выявленные Г. В. Гриненко «типы знаков, которые ничего не обозначают» [Там же, с. 76]. Формальная логика достаточно давно использует для их именованную особую логическую категорию, называя это спекулятивный процесс, необходимо задать определенные отношения, что в исследовании Г. В. Гриненко отсутствует. Одной из закономерностей в исследовании знака в настоящее время является вольное или невольное тяготение авторов к анализу не столько собственно знаков, сколько знаковых систем. Эта позиция характерна для работ С. Лангера [4]. По мнению С. Лангера, процесс толкования знаков является основой разума человека. Но в силу того, «что знак может означать много разных явлений, люди склонны неправильно их интерпретировать» [Там же, с. 54]. Отмечая особую взаимосвязь знака и слова, он различает три значения самого слова «значение» – обозначение, денотат и коннотация, которые в равной степени правомерны, но не взаимозаменяемы. Денотат определяет сложнейшие отношения имени к объекту, носящему это имя. Зачастую денотатом выступают не только реально существующие, но и идеализированные объекты. Коннотация определяет смысл означенного в данном слове. Соотнесение обозначения, денотата и коннотации, при условии, что эта соотнесенность осуществляется в едином ментальном хронотопе, способствует точной интерпретации события и, соответственно, возможно более адекватной его фиксации в содержании социальной памяти.

Знаково-символическая природа памяти наиболее полно фиксирует мир прошлого, который именно в силу своей всеобщей символичности помогает его понять и отразить в памяти, которая в этот момент сама выступает как память о прошлом, память историческая. Индекс, выступая как парадигмальное отношение, позволяет означить актуальную реальность в знаковой валентности прошлого или настоящего и тем самым установить глубинные связи времен, которые фиксируются в социальной памяти. Причем психологическое воздействие индексов «зависит от ассоциации по смежности, а не от ассоциации по сходству или интеллектуальных операций» [6, с. 201]. Иконический знак способен установить герменевтические связи между событиями прошлого, настоящего и будущего именно в силу своей синтагматичности. Икона как «знак по первичности» (Ч. С. Пирс) способна предустановить знаковую сущность будущего, «прочитать» и понять те знаки, смысл которых не всем и не всегда ясен. Но эта непонятность не есть сознательное сокрытие события. Напротив, это есть остенсивная ясность того, что, будучи сакральным, не является скрытым. В этом контексте социальная память выступает как провидение будущего. Знак же способен дать толкование содержания социальной памяти и обеспечить возможность передачи ее содержания от одного поколения к другому и тем самым обеспечить непрерывающуюся связь времен.

Список литературы

1. Бахтин М. М. Тетралогия. М.: Лабиринт, 1998. 118 с.
2. Гриненко Г. В. Сакральные тексты и сакральная коммуникация: логико-семантический анализ вербальной магии. М.: МГУ, 2000. 224 с.
3. Клацки Р. Память человека: структура и процессы / пер. с англ. Т. Сидоровой; под ред. Е. Соколова. М.: Мир, 1978. 319 с.
4. Лангер С. Философия в новом ключе: исследование символики разума, ритуала и искусства. М.: Республика, 2000. 156 с.
5. Можейко М. А. Постмодернизм: энциклопедия. Минск, 2001.
6. Пирс Ч. С. Избранные философские произведения / пер. с англ. К. Голубович, К. Чухкукидзе, Т. Дмитриева. М., 2000. 448 с.

SIGN ESSENCE OF SOCIAL MEMORY

OI'ga Timofeevna Loiko, Doctor in Philosophy, Professor
Department of Culturology and Social Communication
National Research Tomsk Polytechnic University
Loyko2011@yandex.ru

The author researches sign as the way to transfer the content of social memory, considers the possible oppositions of the ratios "sign – designate", reveals the ratios arising between signs, and analyzes the examples of a sign content distortion, which leads to the false interpretation of social memory content.

Key words and phrases: sign; social memory; semiosphere.

УДК 34

Юридические науки

В статье рассматриваются содержание понятия «муниципально-правовая ответственность», основания и порядок применения муниципально-правовой ответственности субъектов соответствующих правоотношений. Проанализированы мнения ученых – сторонников выделения муниципально-правовой ответственности. Делаются выводы о наличии в муниципальном праве общеправовой муниципальной ответственности, носящей комплексный характер и включающей в себя внутриотраслевую муниципально-правовую ответственность, которая регулируется только нормами муниципального права.

Ключевые слова и фразы: местное самоуправление; муниципально-правовая ответственность; муниципально-правовые отношения; субъекты муниципально-правовых отношений.

Эльвира Александровна Мамонтова, к.и.н.

Кафедра «Конституционное и административное право»
Тамбовский государственный технический университет
tamontova-e@rambler.ru

**ПРОБЛЕМЫ ИНСТИТУИРОВАНИЯ
МУНИЦИПАЛЬНО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
СУБЪЕКТОВ МУНИЦИПАЛЬНО-ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ[©]**

Появление новых общественных отношений, необходимость их правовой защиты приводят к появлению новых отраслей права и новых видов юридической ответственности. Отношения, возникавшие в сфере местного управления, в советский период регулировались нормами государственного, административного, финансового и других отраслей права. Конституция Российской Федерации 1993 года законодательно закрепила новую модель местной власти, обособив местное самоуправление в системе управления государством. Это привело к формированию муниципального права как самостоятельной отрасли и вызвало значительный научный интерес к проблематике муниципального законодательства.

Принятие Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ [6] внесло значительные изменения в законодательство о местном самоуправлении. Это обусловило необходимость дальнейшего осмысления теоретических вопросов, в частности вопроса юридической ответственности в муниципальном праве.

Местное самоуправление, в основе которого лежит право городских и сельских поселений самостоятельно решать вопросы местного значения, предполагает ответственность органов и должностных лиц местного самоуправления за выполнение возлагаемых на них функций и полномочий. В муниципальном законодательстве имеется довольно значительный комплекс норм, устанавливающих юридическую ответственность